

О.А. Зайцев, В.Д. Потапов, П.А. Смирнов

ДВОЙНЫЕ СТАНДАРТЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ В ЭКСТРАДИЦИОННЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ

Выделяются и рассматриваются различные уровни проявления двойных стандартов в правовой регламентации применения мер уголовно-процессуального принуждения в целях обеспечения выдачи лица для осуществления уголовного преследования или исполнения приговора. Определяются характерные черты экстрадиционных отношений, свидетельствующие о необходимости самостоятельной регламентации механизма применения задержания и заключения под стражу запрошенного к выдаче лица.

Ключевые слова: международное сотрудничество по уголовным делам; выдача; уголовно-процессуальное принуждение; меры пресечения; заключение под стражу.

Выдача (экстрадиция) – политико-правовой феномен, у которого в силу чрезвычайной многогранности нет и быть не может единого понятийного определения. В нашем исследовании мы рассматриваем выдачу как вид правоприменительной деятельности, представляющий собой систему действий, осуществляемых запрашиваемым государством в соответствии с международными договорами, национальным законодательством или на основе принципа взаимности, по розыску, задержанию, заключению под стражу и доставлению (перемещению) лица в юрисдикцию иностранного государства для осуществления уголовного преследования или приведения в исполнение вступившего в силу приговора [1. С. 14].

Экстрадиция неизменно остается ключевым направлением международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства [2. С. 124]. Генеральной прокуратурой Российской Федерации, которая в соответствии с положениями международных договоров с участием России и национального законодательства обладает исключительными полномочиями по принятию решений о выдаче, ежегодно рассматривается порядка 1 300 иностранных запросов¹ о выдаче лиц для уголовного преследования или исполнения судебного приговора (например, в прошедшем 2019 г. рассмотрено 1 236 запросов, в 2018 г. – 1 133, в 2017 г. – 1 443). Существенным и неотъемлемым аспектом процедуры рассмотрения каждого ходатайства о выдаче является применение в отношении лица, запрошенного к выдаче (выдаваемого лица), меры государственного принуждения, обеспечивающего возможность экстрадиции. Отечественный законодатель предпринял попытку встроить такое принуждение в систему мер уголовно-процессуального пресечения, применяемых в ходе «обычного» уголовного судопроизводства на территории страны (т.е. в рамках уголовного дела, находящегося в производстве российских субъектов уголовного процесса). В специальной ст. 466 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) оно (принуждение) прямо называется не иначе как мера пресечения с отсылкой на одноименную главу, устанавливающую основания, условия и порядок избрания и продления применения мер уголовно-процессуального пресечения.

Тем не менее существующая правовая конструкция, призванная обеспечить возможную выдачу из

России в иностранное государство, очевидно, все еще далека от совершенства, поскольку стабильно вызывает неудовлетворенность со стороны правоприменителя, представителей ученого сообщества и собственно законодателя, который время от времени пытается изменить к лучшему соответствующие положения УПК РФ [3. С. 64–65; 4. С. 57–59]. На наш взгляд, корень многочисленных проблем, сопутствующих применению мер пресечения в рамках экстрадиционных отношений, кроется в «двойных стандартах», поразивших ключевые аспекты правовой регламентации рассматриваемого явления в российском законодательстве. Без учета и надлежащего научного анализа этого фактора вряд ли возможно создать теоретическое обоснование, позволяющее придать преобразованиям системную стройность и рассчитывать на действительно целостный результат.

Где и в чем именно проявляются упомянутые выше двойные стандарты? Следуя дедуктивному методу (от общего к частному), в первую очередь необходимо крупными мазками обозначить уровни (разрезы) их проявления, к которым мы относим следующие:

– в соотношении положений международного и национального права, определяющих меру обеспечения выдачи;

– в соотношении положений национального законодательства (УПК РФ), определяющих режим применения (избрания, продления) меры пресечения в «обычном» порядке и в рамках экстрадиционных отношений;

– в толковании всех указанных положений высшими судебными инстанциями.

На базовом (первом) уровне – соотношение между положениями международного и национального права – двойственность заключается прежде всего в определении характера принуждения, применяемого в целях обеспечения выдачи.

Все существующие международные договоры Российской Федерации в качестве обязательного условия сношений по вопросам выдачи предусматривают заключение запрашиваемого к выдаче лица под стражу (арест), что признается оправданной и необходимой мерой, полностью согласующейся с основными международными документами в области соблюдения прав человека, например с Конвенцией о защите прав человека и основных свобод (г. Рим,

04.11.1950 г.). На сегодняшний день основными международными договорами, на базе которых Российская Федерация осуществляет сношения по вопросам выдачи, являются: Европейская конвенция о выдаче (г. Страсбург, 13.12.1957 г.) с дополнительными протоколами к ней, в рамках которой сотрудничество осуществляется с компетентными органами более 70 государств (Европейская конвенция о выдаче 1957 г.); Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (г. Минск, 22.01.1993 г.), заключенная государствами – участниками СНГ (Минская конвенция) и Протокол к ней от 28.03.1997 г. (г. Москва); двусторонние соглашения Российской Федерации о выдаче или о международном правовом сотрудничестве, включающем вопросы выдачи (Россия является участницей более 50 подобных двусторонних договоров).

В соответствии с этим к запросу иностранного государства об экстрадиции для осуществления уголовного преследования должно прилагаться постановление (или его заверенная копия) о заключении под стражу, а к запросу для приведения приговора в исполнение – приговор (заверенная копия), предусматривающий наказание в виде лишения свободы, с отметкой о вступлении его в законную силу и текст положения уголовного закона, на основании которого лицо осуждено (см., например, ч. 2, 3 ст. 58 Минской конвенции, ч. 2 ст. 12 Европейской конвенции о выдаче 1957 г.). В свою очередь, запрашиваемая сторона по получении запроса о выдаче обязана немедленно принять меры к взятию под стражу лица, указанного в запросе (см., например, ст. 60 Минской конвенции).

Однако в УПК РФ² применительно к выдаче говорится как минимум о двух мерах (пресечения): не только о заключении под стражу, но и о домашнем аресте – в случае если к запросу о выдаче прилагается решение судебного органа иностранного государства о заключении лица под стражу (ч. 2 ст. 466).

Для случаев, в которых прилагаемое к запросу решение о заключении под стражу принято не судебным³, а иным компетентным органом иностранного государства⁴, законодатель не только не ограничивает вид меры пресечения, но и не предусматривает обязательности ее избрания (ч. 1 ст. 466 УПК РФ), отсылая правоприменителя к общим положениям УПК РФ (гл. 13 «Меры пресечения»).

Здесь необходимо обратить внимание, что в силу конституционной иерархии источников российского права (ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, ч. 3 ст. 1 УПК РФ) такие предписания не могут применяться вопреки правилам, установленным международными договорами Российской Федерации. С этой позиции они относимы лишь к правоотношениям, возникающим либо на основе принципа взаимности, либо в рамках исполнения международных договоров Российской Федерации, предусматривающих возможность избрания иной, кроме заключения под стражу, меры пресечения.

Если говорить о выдаче на основе принципа взаимности, то она скорее исключение, чем правило, поскольку в современном мире международные сношения, особенно касающиеся противодействия преступности, принято осуществлять на договорной

основе. Примечательно, что по правилам дипломатии обеспечивать исполнение поступившего на основе принципа взаимности экстрадиционного запроса надлежит так же, как предусмотрено внутренним законодательством при направлении аналогичной просьбы за рубеж⁵. А для этого в УПК РФ предписан только один вариант принуждения – заключение под стражу, которое оформляется соответствующим судебным решением (постановлением об избрании меры пресечения либо вступившим в силу приговором – ч. 5 ст. 460 УПК РФ).

Вновь подчеркнем, что международных договоров с участием Российской Федерации, которые предусматривали бы иные, кроме заключения под стражу, меры обеспечения выдачи, не существует и, судя по многолетней договорной практике, в обозримом будущем не предвидится. В связи с этим резонно поставить следующий риторический вопрос: какую цель преследовал законодатель, идя вразрез с устоявшимися международными стандартами и собственными обязательствами, принятыми в многочисленных международных соглашениях? В доступных нам законопроектных документах необходимых пояснений на этот счет не содержится. Надеемся, что последующих рассуждений окажется достаточно для того, чтобы у читателя появилась определенная версия ответа на этот вопрос.

В любом случае двойные стандарты данного системообразующего уровня не могли не отразиться на остальных правовых плоскостях института экстрадиционного принуждения.

В национальном законодательстве (т.е. на втором уровне) сконцентрировано наибольшее число положений, отражающих отсутствие единого концептуального подхода к определению мер обеспечения выдачи.

Здесь ключевой момент, на наш взгляд, кроется в неоднозначном определении законодателем природы и существа принуждения, призванного обеспечить экстрадицию. Как отмечалось выше, из ст. 466 УПК РФ, на первый взгляд, ясно следует, что оно является не чем иным, как мерой уголовно-процессуального пресечения. В то же время в ч. 5 ст. 460 УПК РФ не менее четко установлено два вида решений о заключении под стражу для целей выдачи: первое – постановление об избрании его (заключения под стражу) в качестве меры пресечения, второе – вступивший в законную силу приговор⁶. Очевидно, что во втором случае арест не является мерой уголовно-процессуального пресечения, поскольку последняя, как известно, прекращает свое действие одновременно с вступлением приговора в силу (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 22.03.2005 № 4-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих порядок и сроки применения в качестве меры пресечения заключения под стражу на стадиях уголовного судопроизводства, следующих за окончанием предварительного расследования и направлением уголовного дела в суд, в связи с жалобами ряда граждан»). В свою очередь, это означает, что понятие экстрадици-

онного принуждения имеет гораздо более широкое содержание (логический объем), чем мера пресечения, следовательно, данные категории недопустимо ставить на одну ступень.

Далее законодатель, с одной стороны, предусматривает для экстрадиционного принуждения (в форме меры пресечения) самостоятельное основание, обособляя его по качественно иному (целевому) признаку от оснований избрания меры пресечения в «обычном» судопроизводстве (ч. 2 ст. 97 УПК РФ). С другой стороны, законодатель не дифференцирует в зависимости от этого признака порядок разрешения вопроса о необходимости избрания (при получении запроса о выдаче без судебного ареста – ч. 1 ст. 466 УПК РФ) или продления (во всех случаях) меры пресечения⁷.

Между тем, специальное основание (обеспечение выдачи – ч. 2 ст. 97 УПК РФ) предполагает, что предметом процедуры судебного избрания меры пресечения, инициируемой прокурором при отсутствии судебного решения в запросе о выдаче (ч. 1 ст. 466 УПК), должны являться не «обычные» обстоятельства (так называемые материальные основания меры пресечения – данные о возможности скрыться, продолжить преступную деятельность и др. – см. ч. 1 ст. 97 УПК РФ), а соблюдение правил и процедур выдачи, установленных в соответствующих международных договорах и национальном законодательстве России (наличие и правильность оформления запроса иностранного государства о выдаче и необходимых сопутствующих документов, включая решение о заключении под стражу; наличие оснований и условий выдачи (ст. 464 УПК РФ); отсутствие оснований для отказа в выдаче (ст. 464 УПК РФ) и др.).

Данный тезис находится в правовом единстве и системной взаимосвязи с характерной чертой экстрадиции – минимальным объемом юрисдикции, передаваемой от запрашивающего государства, которое сохраняет за собой все важнейшие полномочия в уголовной и уголовно-процессуальной сферах, в отличие от других видов международного сотрудничества по уголовным делам – правовой помощи, передачи уголовного преследования. В этом аспекте выдача представляет собой международное обязательство одного государства взять под стражу и передать запрошенное лицо в иностранную юрисдикцию [5. С. 32].

Следовательно, объективные предпосылки для проведения процедуры продления срока ареста в общем порядке отсутствуют, поскольку цель (основание) заключения под стражу в данном случае, естественно, не изменяется (все та же ч. 2 ст. 97 УПК РФ), а вопрос о так называемых материальных основаниях избрания (продления срока) меры пресечения находится вне российской юрисдикции. Это тем более справедливо при наличии в запросе о выдаче судебного решения, когда арест изначально применяется без подтверждения судом Российской Федерации (ч. 2 ст. 466 УПК РФ), но уже через два месяца (при продлении срока) оно «вдруг» должно быть пересмотрено российским судом «по всей строгости закона», т. е. в общем порядке.

Сроки заключения под стражу также заслуживают упоминания в контексте непоследовательности законодателя [6. С. 16–18]. В первоначальной редакции ч. 2 ст. 466 УПК РФ содержалась оговорка об ограничении предельных сроков избранной меры пресечения по правилам ст. 109 УПК РФ для соответствующих видов преступлений. Позднее, очевидно в связи с констатацией практической непригодности такого подхода, данная оговорка была исключена без какой-либо альтернативы (Федеральный закон от 04.07.2003 № 92-ФЗ). Таким образом, буквальное толкование положений действующего УПК РФ, без оглядки на позиции высших судебных инстанций (будут затронуты ниже), не позволяет достигнуть должной правовой определенности в этом вопросе.

В совокупности приведенные законодательные комбинации образуют крайне неоднородное правовое пространство, пораженное пороком «логического круга», создающего серьезные помехи не только непосредственному применению, но и толкованию рассматриваемых правовых положений высшими судебными инстанциями (третий уровень проявления двойных стандартов).

Квинтэссенцией грубейших ошибок правоприменения служит подробно рассмотренное в процессуальной литературе дело «Насруллоев против России», в котором Европейский Суд по правам человека (ЕСПЧ) констатировал нарушение одновременно нескольких норм Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (§ 1 (f) и § 4 ст. 5) (Страсбург, 11.10.2007. Дело № 656/06).

Разбирательству в ЕСПЧ предшествовало не менее известное решение Конституционного Суда Российской Федерации по делу того же Х. Насруллоева, где, в частности, определено, что ст. 466 УПК РФ не предполагает возможность применения к лицу, в отношении которого решается вопрос о выдаче его другому государству для привлечения к уголовной ответственности, меры пресечения в виде заключения под стражу вне предусмотренного уголовно-процессуальным законодательством порядка и сверх установленных им сроков применения данной меры пресечения. При этом Суд пояснил, что действие положений гл. 13 «Меры пресечения» в качестве общих норм распространяется на все стадии и формы уголовного судопроизводства, поэтому ими и следует руководствоваться при исполнении поручений о выдаче (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 04.04.2006 № 101-О «По жалобе гражданина Республики Таджикистан Насруллоева Хабибулло на нарушение его конституционных прав частями первой и второй статьи 466 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»).

Очевидно, в приведенной позиции Конституционный Суд Российской Федерации не учитывает выделенные выше существенные характеристики меры принуждения по обеспечению экстрадиции, по аналогии с УПК РФ приравнивая ее к обычной мере пресечения. Следовательно, имеются основания говорить о серьезном просчете в теоретическом (понятийном) фундаменте данного подхода, что, в свою очередь, не

позволило разрешить целый ряд вытекающих насущных вопросов:

– разрыв «вынужденной» взаимосвязи со сроками предварительного следствия, тяжестью преступления, личностью обвиняемого и другими моментами, важными для продления срока ареста в порядке ст. 109 УПК РФ;

– неопределенность в режиме применения меры пресечения по запросам о выдаче для исполнения приговора, который вступил в силу, и поэтому исследование обстоятельств, имеющих значение при избрании или продлении ареста как меры пресечения, принципиально не требуется;

– неопределенность в режиме применения меры пресечения после принятия и вступления в силу решения о выдаче, в том числе при передаче выдаваемого лица (ст. 467 УПК РФ), в рамках которой истечение общего срока ареста влечет необходимость немедленного освобождения выдаваемого лица из-под стражи, а возможность повторного избрания в этой ситуации меры пресечения в виде заключения под стражу отсутствует (ч. 9 ст. 108 УПК РФ) и др. [6. С. 17].

Естественно, что подход, предпринятый Конституционным Судом Российской Федерации в Определении от 04.04.2006 № 101-О, был взят за основу в последовавших руководящих решениях Верховного Суда Российской Федерации и Генеральной прокуратуры Российской Федерации, вынужденных кардинальным образом поменять свои предыдущие «стандарты», которые, на наш взгляд, были существенно ближе к обозначенному выше смыслу института выдачи.

В частности, ранее в своих решениях Верховный Суд Российской Федерации исходил из того, что срок содержания под стражей выдаваемого лица регулируется не положениями ст. 109 УПК РФ, а нормами международного договора и уголовно-процессуального закона запрашивающей стороны (определение Судебной Коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 08.06.2005 № 72-005-19 в отношении гражданина Республики Армения Адуляна М.К.). Аналогичный подход прослеживался и в утратившем силу организационно-распорядительном документе Генеральной прокуратуры Российской Федерации (от 20.06.2002 г. № 32/35 «О порядке рассмотрения ходатайств иностранных государств об экстрадиции в связи с введением в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»).

Теперь же в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 14.06.2012 № 11 (ред. от 03.03.2015) «О практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачей лиц для отбывания наказания» прямо поясняется, что при разрешении вопроса об избрании (продлении) меры пресечения в виде заключения под стражу суду необходимо рассмотреть возможность избрания иной меры пресечения, которая должна быть достаточной для обеспечения возможной выдачи лица (п. 16). При этом добровольная явка лица в правоохранительные органы Российской Федерации, наличие у него на иждивении в Российской

Федерации семьи, несовершеннолетних детей, места постоянного пребывания в Российской Федерации, тяжелого заболевания могут позволить суду не избирать или не продлевать в отношении данного лица ранее избранную меру пресечения в виде заключения под стражу (п. 17) и т.д. [7. С. 153–154].

В данном контексте вновь вынуждены отметить, что примат международного права, признающего экстрадиционный арест, осуществляемый в соответствии с буквой и духом закона, адекватной мерой, позволяет применять подобные пояснения в случаях, когда в международном договоре обязательный арест не предусмотрен⁸. Получить представление о том, как работают приведенные предписания в правовых реалиях, на наш взгляд, несложно. Для этого достаточно взять в расчет два обстоятельства. Первое – объем и характер информации, направляемой запрашивающей стороной в рамках ходатайства о выдаче, априори не достаточны для избрания (продления) заключения под стражу в строгом соответствии с положениями гл. 13 УПК РФ (в силу иного назначения этой информации, вытекающего из самого существа института выдачи). Второе – несмотря на это, процентная доля применения иной меры пресечения, кроме как заключение под стражу, ничтожно мала. В свою очередь, это свидетельствует о том, что судьи и прокуроры успешно адаптировались к формальностям на фоне адекватного восприятия смысла экстрадиционного принуждения.

Такая картина не лучшим образом характеризует состояние правового регулирования рассматриваемого вопроса, которое, очевидно, нуждается в совершенствовании. Необходимое условие – тотальное искоренение двойных стандартов как ключевого негативного фактора. Проведенная систематизация знаний об этом явлении позволяет тезисно обозначить принципиальные аспекты достижения этой цели.

Позицию Конституционного Суда Российской Федерации следует считать не окончательной, а отправной точкой преобразований. В своих решениях, в том числе и Определении от 04.04.2006 № 101-О, Суд подчеркивает, что не вводит нового нормативного регулирования порядка применения уголовно-процессуального принуждения, а ограждает от использования при этом механизмов, не закрепленных в УПК РФ. Следовательно, нужно закрепить в УПК РФ соответствующий правовой механизм экстрадиционного ареста. Одновременно потребуется модернизировать соответствующие положения федерального законодательства об адвокатуре, о порядке содержания лиц под стражей и др. [5. С. 37; 8. С. 75–76].

Это должен быть самостоятельный целостный механизм принуждения в целях обеспечения выдачи, максимально учитывающий ее сущность, природу и характерные черты (включая особенности объема передаваемой юрисдикции), не пересекающийся в процедурном и понятийном плане с внешне схожими мерами уголовно-процессуального пресечения (соответственно, положения о мерах пресечения также должны быть очищены от элементов выдачи).

Непосредственно в УПК РФ должны найти самостоятельное (предпочтительно – в отдельных статьях или даже главах) регулирование такие вопросы, как:

- правовое понятие и процессуально-правовое положение запрошенного к выдаче лица;
- основания и процедуры задержания⁹ [9. С. 138–142], избрания и применения в отношении него меры принуждения в целях обеспечения выдачи;
- предусмотренные большинством международных договоров и часто применяемые на практике задержание и заключение под стражу до получения запроса о выдаче в случаях, не терпящих отлагательства

(см., например, ст. 16 Европейской конвенции о выдаче 1957 г. «Временное задержание»);

– конкретные механизмы взаимодействия компетентных органов запрашиваемой стороны с компетентными органами запрашивающего государства, посредством которых возможно обеспечить реализацию основных прав лица на защиту от уголовного преследования до принятия решения о выдаче [5. С. 31–37].

Очевидно, что все нововведения должны осуществляться в самостоятельной (пятой) части УПК РФ, специально предусмотренной законодателем для детальной регламентации вопросов международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В международных договорах и национальном законодательстве сотрудничающих государств обращение с просьбой о выдаче может обозначаться по-разному: запрос, поручение, ходатайство и т.п. При этом указанные термины имеют равное юридическое значение и используются в данной статье как синонимы.

² Наибольшее количество посвященных экстрадиции норм сконцентрировано в уголовно-процессуальном законодательстве, а именно в главе 54 УПК РФ (ст. 460–468), в силу чего УПК РФ следует признать основным нормативным правовым актом, регулирующим вопросы экстрадиции в России.

³ Конституция Российской Федерации (далее – Конституция РФ), положения которой имеют преимущество перед всеми другими правовыми нормами, исключает возможность государства лишить человека свободы без судебного решения (в ч. 2 ст. 22 Конституции Российской Федерации установлено, что арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускаются только по судебному решению).

⁴ Например, в Республике Беларусь заключение под стражу возможно с санкции прокурора и его заместителя либо по постановлению Председателя Следственного комитета Республики Беларусь, Председателя Комитета государственной безопасности Республики Беларусь или лиц, исполняющих их обязанности (ч. 4 ст. 126 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь).

⁵ Выдача на основе принципа взаимности означает исполнение просьбы о выдаче лица, подкрепленной письменным обязательством компетентного органа запрашивающего государства о том, что в аналогичной или сходной ситуации запрашиваемому государству также будет выдано лицо с соблюдением порядка и условий, предусмотренных внутренним законодательством запрашивающей стороны.

⁶ В данном случае это в полной мере отражает цели в международно-правовом понятии выдачи (для уголовного преследования и для исполнения приговора).

⁷ Формальное отличие состоит в субъекте, ходатайствующем перед судом об избрании (продлении) меры пресечения, который представлен не следователем, а прокурором, что, как указывалось, обусловлено исключительной компетенцией прокуратуры по вопросам выдачи.

⁸ Тем не менее представляется, что по одному из приведенных в п. 17 указанного постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации обстоятельств рассмотрение вопроса об избрании альтернативной меры пресечения, даже при наличии международного договорного обязательства о заключении под стражу, все же должно быть осуществлено. Речь идет о тяжелом заболевании, которое имеет потенциал быть признанным исключительным обстоятельством, позволяющим отказать в выдаче по причине ее опасности для жизни и здоровья выдаваемого лица на основании ст. 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод и ст. 9 УПК РФ (см. п. 13 постановления Пленума). В ч. 11 ст. 110 УПК РФ данное обстоятельство определено также в качестве императивного основания для изменения меры пресечения в виде заключения под стражу на более мягкую.

⁹ При задержании в порядке экстрадиции соблюсти все правила «обычного» задержания принципиально невозможно. Это касается в первую очередь соблюдения базового требования ст. 91 УПК РФ о наличии как минимум одного из обстоятельств, названных законодателем основаниями задержания подозреваемого.

ЛИТЕРАТУРА

1. Смирнов П.А. Понятие выдачи как одного из направлений международного сотрудничества по борьбе с преступностью – старые песни о главном // *Международное уголовное право и международная юстиция*. 2019. № 5. С. 9–14.
2. Григорьев В.Н. О некоторых вопросах при экстрадиции // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. 2018. № 2. С. 122–129.
3. Гришин А.С. Заключение под стражу в целях выдачи: проблемы на практике и пути их решения // *Уголовный процесс*. 2017. № 12 (156). С. 56–65.
4. Давыдова М.В. Вопросы соблюдения прав человека при осуществлении выдачи лица для уголовного преследования или исполнения приговора // *Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения*. 2019. № 4 (26). С. 49–59.
5. Смирнов П.А. Проблемы процессуально-правового положения лица в рамках экстрадиционных правоотношений // *Пробелы в российском законодательстве*. 2017. № 1. С. 31–37.
6. Чекулаев Д.П. Вопросы исчисления сроков содержания лица под стражей при рассмотрении запроса о выдаче в сфере международного сотрудничества по уголовным делам // *Международное уголовное право и международная юстиция*. 2008. № 2. С. 16–18.
7. Григорьев В.Н. О некоторых деталях правового механизма экстрадиции обвиняемого, объявленного в международный розыск, у которого выявлено тяжелое заболевание, препятствующее его содержанию под стражей // *Правовые и организационные механизмы реализации уголовно-процессуального законодательства (к 15-летию вступления в действие УПК РФ)*: сб. науч. ст. / под ред. А.В. Красильникова. 2017. С. 150–157.
8. Андреева О.И. Решение вопроса об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу: проблемы правоприменения // *Журнал российского права*. 2005. № 2 (98). С. 73–76.
9. Зайцев О.А., Смирнов П.А. Подозреваемый в уголовном процессе. М.: Экзамен, 2005. 320 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 19 июня 2020 г.

Double Standards of Criminal Procedure Coercion in Extradition Legal Relations

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 461, 229–234.

DOI: 10.17223/15617793/461/28

Oleg A. Zaitsev, Institute of Legislation and Comparative Law under the Russian Federation Government (Moscow, Russian Federation); Russian State University of Justice (Moscow, Russian Federation). E-mail: crim@izak.ru

Vasily J. Potapov, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (Syktyvkar, Russian Federation). E-mail: law@syktsu.ru

Pavel A. Smirnov, University of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation). E-mail: smirnoff_pa@mail.ru

Keywords: international cooperation in criminal cases; extradition; criminal procedure coercion; restraint measures; detention.

This article states that the current legal construction, intended to ensure possible extradition from Russia to a foreign country, is far from perfect. Considering criminal procedural law, international treaties, the established practice, the authors come to the conclusion that the main problem related to restraint measures in the context of extradition is “double standards”. The following levels of double standards were established: 1) in the correlation of provisions of international and domestic law that define guarantying measures of extradition; 2) in the correlation of provisions of domestic legislation; 3) in the interpretation of all mentioned provisions by legislative authorities. The authors have found that double standards on the first level lie in the definition of the character of restraint applied to provide extradition: detention in international documents and different variants in the RF Criminal Procedure Code. However, according to the constitutional hierarchy of Russian legal sources, different variants cannot be applied regardless rules established by the international treaties of the Russian Federation. The main idea of double standards on the second level is the legislator's complex definition of the nature and essence of extradition coercion. According to Article 466 of the RF Criminal Procedure Code, it is a measure of criminal procedural restraint. At the same time, Part 5 of Article 460 of the RF Criminal Procedure Code speaks about measure of restraint and detention in the context of the sentence which came into legal force. The authors note that, on the one hand, independent grounds for extradition are set; on the other hand, depending on this feature, there is no differentiation of the procedure for deciding on the necessity to apply restraint measures or to extend them. As a consequence, according to standard procedure, there are no objective preconditions to extend the detention period, as long as the purpose of detention does not change in this case and the issue of material grounds for selecting restraint measures (extension of detention) is beyond the jurisdiction of the Russian Federation. The authors pay attention to the serious theoretical error in the opinion of the Constitutional Court of the Russian Federation, which does not take into account the mentioned essential characteristics of the restraint measure for providing extradition, but considers it as an ordinary restraint measure. As for double standards on the third level, all the mentioned provisions as a whole form an extremely mixed legal framework afflicted with the “logical circle” vice, which seriously complicates the application and interpretation of the legal provisions by supreme judicial authorities. The authors propose to supplement the Criminal Procedure Code of the Russian Federation with a separate integral mechanism of coercion to provide extradition, with a due consideration of its essence, nature and outstanding features.

REFERENCES

1. Smirnov, P.A. (2019) The Concept of Extradition as One of the Areas of International Cooperation in Crime Combating: Old Tunes About What Matters Most. *Mezhdunarodnoe ugovolnoe pravo i mezhdunarodnaya yustitsiya – International Criminal Law and International Justice*. 5. pp. 9–14. (In Russian).
2. Grigor'ev, V.N. (2018) On some issues related to extradition. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo – Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 2. pp. 122–129. (In Russian).
3. Grishin, A.S. (2017) Custodial Placement for Purposes of Extradition: Problems on Practice and Their Solutions. *Ugolovnyy protsess*. 12 (156). pp. 56–65. (In Russian).
4. Davydova, M.V. (2019) Observance of Human Rights in the Process of Extradition of a Person for Criminal Prosecution or Enforcement of a Sentence. *Sibirskie ugovolno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya – Siberian Criminal Process and Criminalistic Readings*. 4 (26). pp. 49–59. (In Russian).
5. Smirnov, P.A. (2017) Problems of the Legal Procedure Status of a Person in the Sphere of Extradition. *Probely v rossiyskom zakonodatel'stve – Gaps in Russian Legislation*. 1. pp. 31–37. (In Russian).
6. Chekulaev, D.P. (2008) Voprosy ischisleniya srokov sodержaniya litsa pod strazhey pri rassmotrenii zaprosa o vydache v sfere mezhdunarodnogo sotrudnichestva po ugovolnym delam [Issues of calculating the terms of detention of a person when considering an extradition request in the field of international cooperation in criminal cases]. *Mezhdunarodnoe ugovolnoe pravo i mezhdunarodnaya yustitsiya – International Criminal Law and International Justice*. 2. pp. 16–18.
7. Grigor'ev, V.N. (2017) O nekotorykh detalyakh pravovogo mekhanizma ekstraditsii obvinyaemogo, ob"yavlenno v mezhdunarodnyy rozysk, u kotorogo vyavleno tyazheloe zabolovanie, prepyatstvuyushchee ego sodержaniyu pod strazhey [About Some Details of the Legal Mechanism of Extradition of the Accused, Announced in the International Site, Which Has Heavy Disease Obstacles His Content]. In: Krasil'nikov, A.V. (ed.) *Pravovye i organizatsionnye mekhanizmy realizatsii ugovolno-protsessual'nogo zakonodatel'stva (k 15-letiyu vstupleniya v deystvie UPK RF)* [Legal and organizational mechanisms for the implementation of criminal procedure legislation (to the 15th anniversary of the entry into force of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation)]. Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. pp. 150–157.
8. Andreeva, O.I. (2005) Reshenie voprosa ob izbranii v kachestve mery presecheniya zaklyucheniya pod strazhu: problemy pravoprimeneniya [Resolving the Issue of Selecting Detection as a Restraint Measure: Problems of Law Enforcement]. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. 2 (98). pp. 73–76.
9. Zaitsev, O.A. & Smirnov, P.A. (2005) *Podozrevaemyy v ugovolnom protsesse* [The suspect in a criminal trial]. Moscow: Ekzamen.

Received: 19 June 2020